

Сокрытая теньми ночи я слушала их разговор, пока согнулась в три погибели за сливовым деревом.

– Почтенный! – монахиня сказала с какой-то странной настойчивостью. – Демон-волк собирается напасть на нас. Почему вы позволяете этой демонице с неизвестным происхождением оставаться здесь? Разве мы не должны уничтожить ее как можно скорее?

Я вздохнула.

Я уже говорила это тысячу раз. Да, моё происхождение не так чисто, но я действительно не призрак и не демон. Так какой же из меня монстр... Я даже разрушила ту Пагоду Тысячи Замков собственными руками. Разве это не доказывает мою истинную натуру?!

О, какая глупость! Люди такие идиоты!

Несмотря на то, что я не закончила ворчать, я заметила, что Чжунхуа довольно сильно не в себе. Какой-то он... ну, не такой.

– Мы обсудим это в другой раз, хе-хе.

Его голос был немного хриплым и слабым... и слишком веселым.

Он был пьян.

Монахиня всё ещё не отпускала его.

– Почтенный, только не говорите мне, что вы пришли, чтобы позаботиться о демонице из-за её уязвимости.

Чжунхуа разозлился. Он убрал ее руку и рявкнул: – Что за чушь ты несёшь?!

– Будем надеяться, что я просто несу чушь, – сказала она холодно, и продолжила: – Почтенный, я уверена, что вы не забыли. Поначалу именно потому, что мастер был мягкосердечным, она сговорилась с этим низшим по статусу демоном-волком по кличке Ха'Йи. Это в конечном счете привело к кризису Любо двадцать лет назад. Цин Лин молится, чтобы вы не пошли по стопам нашего хозяина.

После долгого молчания, Чжунхуа махнул рукой и сказал ей: – Возвращайся.

Я задумчиво поджала губы. Из того, что только что сказала монахиня, демон-волк по имени Ха'Йи, возможно, был неверным и предательским типом, который платит за доброту

проступком. Основываясь на моем опыте осмотра бесчисленных призраков на реке Ванчуань, однако, это не тот тип, кем он был.

Двадцать лет назад в этой истории были кое-какие неувязки!

После того, как монахиня по имени Цин Лин ушла, Чжунхуа немного постоял в темном углу, прежде чем прислониться к стене и медленно найти дорогу в свою спальню.

Я тяжело вздохнула, глядя на его одинокую тень.

В прошлом, когда Мокси спотыкался и падал, я всегда была рядом, чтобы защитить своего малыша и разделить его боль. Я никогда не позволяла ему страдать от одиночества или быть обиженным. Но теперь, когда он стал великим и могущественным достопочтенным Чжунхуа, рядом с ним не было ни одного помощника, когда он напивался. Возможно, ему было даже не так комфортно, как Чан-Аню, который спал в моей комнате.

- Кто здесь? - Он резко развернулся.

Я несколько раз моргнула, в который раз убедившись, что он изо дня в день живет очень утомительной жизнью. Если даже мой тихий вздох смог привлечь его внимание после того, как он напился, его настороженность уже за пределами нормы.

Не услышав ответа, Чжунхуа выпрямился и плавно побрёл в мою сторону.

Я знала, что не смогу спрятаться, поэтому открыто вышла и приветственно улыбнулась ему.

- О! Добрый вечер!

Увидев меня, он нахмурил брови и повернулся, чтобы уйти, как будто увидел что-то отвратительное. Он шел большими шагами, на этот раз уже не шатаясь, словно пьяный.

Я застыла на мгновение, внезапно разозлившись. Неужели я настолько отвратительна, что тебе приходится убегать от меня?

- Стой! - закричала я.

Его рысь стала ещё быстрее - потребовалось всего лишь два шага, чтобы он скрылся из виду.

Моей злости не было предела. Прячешься от меня? Хотела бы я посмотреть, как ты спрячешься от меня!

Я бросилась обратно к полуразрушенной хижине и вытащила из-под одеяла крепко спящего Чан-Аня. Он моргнул и мутным взглядом посмотрел на меня на меня, дезориентировано и смущенно. Я одарила его зубастой улыбкой.

- Чан-Ань, ты можешь мне помочь с кое-чем?

Только теперь он повернулся ко мне. Он замер на мгновение, закричал от страха, а затем попытался завернуться в панике, чтобы я не увидела его.

Я грубо вытащила его за воротник и подвела к ближайшему месту к спальне Чжунхуа. Погладив его заплаканное лицо, я сказала ему:

- Плачь, плачь как можно громче!

Он тупо уставился на меня.

Мои губы растянулись в улыбке, которая была столь же сияющей, сколь и похотливой.

- Хотя твой Ян немного мал, это всё же лучше, чем ничего. И хотя мое сердце уже принадлежит вашему Достопочтенному Преподобному, мне немного трудно контролировать свое желание, когда я смотрю на такого красивого мальчика, как ты. Ты не побалуешь меня сегодня?

Чан-Ань был напуган до смерти, его будто молнией пронзило.

Думаю, этого следовало ожидать. Посреди ночи незнакомая женщина ворвалась в комнату, похитила его и сказала, что хочет поприставать к нему. Любой нормальный человек был бы шокирован. Я милостиво позволила ему на секунду остолбенеть, после чего с удовлетворением услышала его пронзительный крик.

- Нет! - Окаменев, он подполз к краю силового поля, колотя в его стену с криком: - Спасите меня, Ваше Преподобие! Спасите меня! Чан-Ань еще слишком молод! Чан-Ань не хочет умирать!

Он всё выл и выл. Его Преподобие наконец схватился за лоб и вышел с сердитым лицом. Он нахмурился, посмотрел на Чан-Аня и прорычал: - За тебя можно порадоваться!

Если бы меня спросили, то побег при виде меня не был бы лучше, чем при виде Преподобного.

Я ухмыльнулась и пнула Чан-Аня в зад, пока он лежал на земле.

- Хорошо, поскольку ваш Преподобный здесь, чтобы заменить тебя, на этот раз я отпущу тебя с крючка. Возвращайся в постель.

Чан-Ань посмотрел на Чжунхуа, потом снова на меня. Видя молчаливое согласие с нашей стороны, он быстро вскочил и убежал, ни разу не обернувшись.

Я посмотрела на Чжунхуа, самодовольно улыбаясь. Он потер лоб, закрыл глаза, игнорируя мой взгляд.

- В чем дело?

- Ни в чём.

Вены на тыльной стороне его ладони посинели. Он больше ничего не сказал и повернулся, чтобы уйти.

Прежде чем он успел покинуть силовое поле, я поспешила схватить его за рукав. Может быть, потому, что он был пьян, его гораздо более медленная реакция позволила мне поймать его.

- Почему ты прячешься от меня? Я не собираюсь тебя есть.

- Зачем мне прятаться? - сказал он. - Ты пленница Любо...

- Точно, это я в тюрьме. Если бы кто-то прятался, то лишь я. Зачем ты это делаешь? У меня на лице фурункулы или шерсть? Личинки будут гноиться в твоих глазах, если ты только взглянешь на меня? Ты будешь страдать от рвоты и поноса? Ты собираешься истечь кровью? Ты...

Прежде чем я успела закончить, он глубоко вздохнул, повернулся и посмотрел на меня. Это был простой и честный взгляд, который показывал и его упрямство, и желание проявить себя. Но я была не так проста, как он.

Я видела в его ясных глазах образы звездного неба, белых снежинок и душистых слив... и себя.

Всё это глубоко отпечаталось в его глазах.

Я так давно не видела, чтобы он так пристально смотрел на меня. Я не могла не сделать шаг вперед и не прислониться к нему. Мои руки соскользнули с его рукава, чтобы взять его за руку.

Я увидела в его глазах тихую улыбку. Он не оторвался от меня, его взгляд смягчился. Моя

улыбка стала шире.

- С этим приглушенным ароматом и чистым белым снегом, и даже с тобой, Санышэн больше ничего не требует.

С этим приглушенным ароматом и чистым белым снегом, и даже Санышэн, Мокси больше ничего не требует. Это были слова, которые Мокси сказал мне в прошлой жизни.

Услышав эти слова, он слегка вздрогнул. Хмурый взгляд. Затем, внезапно придя в себя, он резко оттолкнул меня и, в результате, приземлился на снег из-за того, что не стоял твердо. Он, казалось, был в легкой панике.

Я хотела подойти, чтобы помочь ему, но он оттолкнул меня рукой. Схватившись за голову, он молча сидел в снегу.

- Мо... Чжунхуа, ты...

- Мы были знакомы?

Как я должна была ответить на это? Да, мы знали друг друга. Где? В подземном мире, у реки Ванчуань ... Если я скажу это, он подумает, что я шучу.

Я почесала затылок, сказав:

- Ну, если ты думаешь, что я выгляжу знакомо, значит, это судьба. Да, судьба!

- Судьба? - он саркастично усмехнулся. - Откуда в этом мире столько судеб...?

Услышав, как он произнес фразу, как будто увидел всё, что можно было увидеть в жизни, я нахмурилась и спросила:

- А почему нет? Наша встреча друг с другом судьба.

- Разговаривать здесь - тоже судьба.

Для такого камня, как я, возможность отправиться в мир смертных, чтобы соблазнить тебя, - еще большая судьба. Конечно, я проглотила эти слова и не сказала их ему.

Он лежал на снегу. При лунном свете он внимательно посмотрел на меня и после долгого молчания произнес два слова: - Проклятая судьба.

Я мысленно кивнула. Проклятые судьбы до сих пор судьбы. Они даже более длительны и настойчивы, чем обычные. Я обрадовалась, но потом подумала, что это неправильно.

Судя по тому, как он говорил, я должна была отреагировать с презрением. Я не должна улыбаться, заставляя его ждать напрасно. Более того...я взглянула на его позу, в которой он лежал на снегу.

Это была настолько подходящая поза, чтобы напрыгнуть на него!

Я указала на него.

- Т...т...ты! Ты просто невыносим!

Он прищурился, и его выражение лица стало ещё более непонятным.

Я обернулась, будто уходя в негодовании. Подойдя к нему, я вскрикнула:

- Boa! Почему так скользко?

Я потянулась, думая, что это красивая поза, поскользнулась и упала на него сверху.

Точно рассчитав движение, я должна была упасть ему на грудь, разыгрывая сцену застенчивой девушки, лежащей в объятиях героя.

Я и не подозревала, что поскользнулась так же, как Чжунхуа, рухнув на него без всякой грации и ударившись головой о его голову. К сожалению, мои губы не встретились с его, а вместо этого шлепнулись прямо ему на лоб.

Я только слышала, как человек внизу что-то проворчал и больше никак не реагировал.

К тому времени, как я схватилась за голову и попыталась встать, Чжунхуа лежал на земле с закрытыми глазами. На его лбу были две кровоточащие дыры, которые мой камень оставил, словно передние зубы.

- Ммм... - Я нерешительно протянула руку, чтобы коснуться его. - Эй...

Я хлопнула его по щеке, но он всё равно не ответил. Я немного запаниковала. Не могла же я послать его прямо к Яньло-вану, не так ли? Но он еще не прошел через своё несчастье в этой жизни. Из-за этого будут большие неприятности.

- Чжунхуа! Чжунхуа! Всё не может быть так плохо, верно?! - Я почесала затылок. Ты, несмотря

ни на что, его Преподобие. Если тебя действительно забила до смерти такая женщина, как я, это, это... если это выйдет наружу, это будет очень унижительно. Я поспешила нажать на его акупунктурную точку Жэньчжун, пробормотав: – Мокси, не втягивай меня в неприятности. Я действительно буду осуждена небесами за то, что умертвила Бога на суде. Мокси...

Некоторое время я со слезами звала его по имени. Он, казалось, понял мою дилемму, потому что вскоре застонал и медленно открыл глаза. Я на радостях всё отправляла мои молитвы благодарности Янь Вану снова и снова.

– Учитель... – сказал тихо он, глядя на меня.

Я замерла, только теперь почувствовав сильный запах алкоголя в его дыхании. Я решила, что алкоголь ударил ему в голову, и он потерял сознание.

– Учитель, – он снова меня позвал. – Почему...

Он говорил так тихо, что я его не слышала.

– Что такое?

Я наклонилась и прижалась ухом к его губам, чтобы слышать лучше. Однако его слова на мгновение затуманили мой разум.

– Почему у тебя появились такие чувства к Ха'Йи? – спросил он.

– Твой учитель был мужчиной или женщиной? Твой учитель влюбился в Ха'Йи? Как далеко они зашли? Что с ними случилось? Почему Ха'Йи был заперт в Пагоде? А где сейчас твой учитель? – начала выпрашивать я так тонко, как только могла, а затем моргнула, спокойно ожидая ответа Чжунхуа.

Но... он заснул, а его голова упала набок.

Я сжала кулаки.

Чувство неудовлетворенного любопытства вызвало у меня желание ткнуть в две дырки на лбу. Но, глядя на его спокойное спящее лицо, я, наконец, вздохнула и покорно разорвала юбку на полосы, чтобы перевязать ему раны.

Поскольку Чан-Ань спал внутри, тащить Преподобного туда не очень хорошая идея. Было бы не очень хорошо разбираться с ним.

Немного поразмыслив, я затащила его под сливовое дерево и уложила к себе на колени.

Что касается меня, то я прислонилась к дереву, погладила его по лбу, взяла его руки в свои и, наконец, поцеловала его в губы, после чего провалилась в самый беззаботный сон впервые за такое долгое время.

На следующее утро, проснувшись, я увидела пару ясных глаз, уставившихся на меня. Я улыбнулась ему и приветственно махнула рукой:

– Доброе утро, Ваше Высокопреосвященство! Вы еще здесь?

Он закрыл глаза и глубоко вздохнул, как будто изо всех сил старался сохранять спокойствие. Наконец, он сказал мне с некоторой сдержанностью:

– Развяжи меня.

Я неловко рассмеялась и отвязала веревку, которая шла от его шеи к моей ноге, а после невинно сказала:

– Я боялась, что ты убежишь.

Не дожидаясь, пока я полностью развяжу веревку, он с трудом поднялся на ноги и нахмурился.

Я беспомощно развела руками.

– Я знала, что ты убежишь, когда проснешься, а потом будешь отрицать тот факт, что мы провели ночь вместе. Вот почему я наложила на веревку больше дюжины заклинаний. Это единственный способ доказать, что ты действительно спал со мной прошлой ночью. По правилам людей, возьми на себя ответственность, Мо...Чжунхуа.

Каждый раз, когда я выговаривала слово, его лицо беспрестанно темнело, и к концу моей речи во всей этой черноте даже появился редкий оттенок красного:

– Б...бес...бесстыд...

Он не мог произнести ни слова, даже после того, как долго дрожал. Я помогла ему, пока он пытался втянуть в себя воздух:

– Бесстыдная, – закончила я за него; похоже, он мне льстил, ведь возможность разозлить Преподобного с ледяным лицом была невероятно гордым достижением. – Мне всё равно, бесстыдная я или нет. Чжунхуа, ты всё равно должен жениться на мне.

Он посмотрел на меня, как будто успокоившись. Выражение его лица постепенно похолодело. – Даже если я был пьян, я отчетливо помню всё, что делал. Ты и я - слеплены из разного теста. Как бы я мог поступить так с тобой?

Я с любопытством спросила:

– Значит, ты не мог этого сделать, раз ты не такой же? Тогда как насчет твоего учителя и Ха'Йи?

Выражение лица Чжунхуа внезапно окаменело. Он выглядел так, словно мог разрубить меня на куски. Он бросился прочь. Я была упрямым камнем. Если я не получу четкого ответа сейчас, я не смогу заснуть сегодня. Я поспешно догнала его и крикнула:

– Эй! А как же твой учитель и Ха'Йи? Что с ними было? Твой учитель...

Вспышка ярости задела мои уши, ударив по снегу позади меня, так что снежная пыль закружилась в воздухе.

Я застыла на месте.

– Попридержи язык, – сказал он ледяным тоном, прежде чем повернуться и уйти.

Мокси никогда не смотрел на меня так. Даже когда он швырнул огненный шар мне под ноги, когда мы в последний раз были в подземном мире, у него не было такого злого лица.

Я только однажды видела это выражение у него. Это произошло в прошлой жизни, когда два головореза ворвались в наш дом и преследовали меня, вот так он на них и посмотрел.

Он, казалось, сильно ненавидел, когда кто-то говорил о его учителе и Ха'Йи. Возможно, помимо физиологической дискриминации, его ненависть к Ха'Йи была также эмоционально укоренена. Казалось, он очень заботился о своем учителе....

Его чувства к учителю могли быть... не такими уж и обычными.

Из-за этого мне стало ещё любопытнее, был ли его учитель мужчиной или женщиной.